
А. В. Дружинин

Письма Иногородного Подписчика о русской журналистике. XXV. Декабрь Отрывок

Яберусь за наши журналы с рвением и только боюсь одного — быть чересчур снисходительным. Снисходительность моя уже доходит до того, что я решил-ся прочесть даже полемическую статейку, в которой «Москвитянин», через посредство нового и неизвестного мне автора Эраста Благодравова, осыпает разными полемическими любезностями моего приятеля Нового Поэта, одного из сотрудников «Современника». Но успокойтесь, благосклонные читатели, я не буду пересказывать вам содержания полемических статей, где бы они ни помещались и как бы ни было нравоучительно их изложение. Полемическая статья — для меня вещь неприкосновенная и не подлежащая разборам. Читатель может ею тешиться на наш же счет, но нашему брату позволяется только изредка прочесть ее, пожалеть, что наши журналы через шесть месяцев еще не перестали царапать друг друга. <...>

Поспешаю возвратиться к стихам и принимаюсь говорить о шуточных стихах, сочиненных тем же господином Благодравовым, с которым я только что имел удовольствие познакомиться.

Господин Эраст Благодравов, едва только выступив на фельетонное поприще, успел уже нажить себе многих врагов. «Отечественные записки» в своем одиннадцатом нумере посвящают ему несколько коротеньких глав, в роде Ламартиновых «Записок», и в этих главах утверждают, что Эрасту Благодравову, по его собственному признанию, иногда нечем платить извозчику, что он предпочитает другим напиткам полынную и что он дрожит от волнения, видя в журнале свою статью. Вот куда хватил журнальная городская почта! Нечего сказать, эти шесть месяцев были плодотворны в отношении полемических любезностей, и хладнокровному зрителю остается только ожидать, до чего дойдут наши журналы еще через шесть месяцев. «Современник» тоже отзывается об Эрасте не совсем выгодно, а потому-то я с особенным вниманием перечитал статью господина Благодравова в ноябрьских нумерах «Москвитянина».

Статья эта состоит из стихов и прозы. Проза довольно бесцветна и исполнена литературных теорий, с которыми я не согласен и до которых нам нет дела. Но из пародий многие хотя не очень гладки, однако не лишены веселости; я всегда любил шуточные произведения Нового Поэта, а потому мне нравятся и пародии господина Благодравова; только напрасно фельетонист «Москвитянина», пародируя стихи Нового Поэта и других стихотворцев, в то же время в своей прозе с жаром нападает на что бы вы думали — на сочинение шуточных стихов! Пишите и шуточные стихи, и пародии, заимствуйте мысли у какого угодно знаменитого поэта, старайтесь только быть острым и веселым, а о Пушкине и Лермонтове не заботьтесь, — их слава так прочна, что не потускнеет от миллиона самых веселых, самых ловких

пародий! Вообразать, что публика охладает к великому писателю из-за того, что два-три человека в веселый час воспользуются одною из его мыслей для своей эфемерной и легонькой шутки! Я никак не думаю, чтоб господин Благодравов говорил это от чистого сердца. Конечно, есть много людей, которые дуются и краснеют при всякой шутке, но кто не скажет, что подобные люди сухи, скучны, развиты в одну сторону? Если б в статье господина Благодравова не было ничего, кроме прозы, я бы причислил его к таким людям, но пародии его, несмотря на свой странный колорит, доставили мне удовольствие, заставили меня смеяться, — и оттого я не могу быть слишком взыскательным. Последняя из пародий, помещенных в «Москвитянина»: «Журналистика» — заключает в себе что-то особенно свирепое и потому не очень забавна, но все другие, особенно «Кофе» и «Если кроткий как вол, в трезвом виде...», могут рассмешить даже после прочтения басни о кондукторе и тарантуле. Обе названные мной пародии написаны на два стихотворения господина Некрасова, и оба оригинальные стихотворения нисколько не упали в моих глазах вследствие удачной шутки. Всякая вещь господина Некрасова будет прочитана мною с удовольствием, а о Лермонтове и Пушкине нечего и говорить. <...>

Бояться за славу Пушкина и Лермонтова вследствие десятка шуточных стихотворений! Стоит только вдаться в свирепый «культ» изящного, злиться на всякую шутку, наморщить брови, потерять хорошее расположение духа — и что делается тогда с тобой, о бедный литератор! Кто из нас, по слуху или на деле, не знает этих вечно недовольных, вечно насутившихся жрецов изящного и поборников истины, которые на словах полны сочувствия ко всему широкому и прекрасному, а на самом деле чреватые одним недоброжелательством даже к лицам своего собственного кружка? Не лучше ли быть менее широким в своих теориях, но более похожим на порядочного человека в общественной жизни? Не лучше ли откровенно, перед лицом всей читающей публики, смеяться над тем, что действительно смешно или даже просто кажется нам смешным — но быть повежливее и подоброжелательнее в своих кабинетных занятиях?

Малейший оттенок исключительности, как ветка полыни в кадке меду, может испортить человека и произведения, им состряпанные. За примером идти недолго, стоит развернуть последнюю книжку «Москвитянина» и прочесть статью писателя умного, одаренного наблюдательностью и веселостью, беллетриста, каких мало, в короткое время завоевавшего себе имя и почет, — я говорю про господина Писемского и про его повесть «Комик». Господин Писемский пожелал во что бы то ни стало изложить перед читателями несколько воззрений на драматическое искусство, на высокий комизм, — и оттого вся повесть, наперекор желанию автора, даже наперекор его способностям, приняла какой-то дидактический колорит, а ее герой, пьяный актер Рымов, говорит ни дать ни взять, как критик, лет десять занимавшийся библиографией и оценкою новых и старых писателей, критик, ставший твердою ногою на арену русской словесности! На сцену является около десятка лиц, каждое из них очертано мило и верно, каждое интересует собою, но каждое так и стремится высказать что-нибудь о фарсах, о классицизме, о трагедии, и пуще всего о «Женитьбе» Гоголя. В «Женитьбе» Гоголя, достоинства которой никто не думает отвергать, господин Писемский сделал какое-то лекало для промерки своих героев, еврейский сибболет и шибболет, условие *sine qua non*¹, центральный пункт всего сочинения, предлог для критических поучений. Какая из наших критических теорий сможет назваться прочною и долговечною? Теории эти составляются на скорую руку, для журнального обихода, меняются через пять или шесть лет, и невыгодно такому рассказчику, как господин Писемский, связывать участь своих

¹ Непременное (лат.).

оживленных статей с участием этого недозрелого пустозвонства. Изящное произведение остается, а критика, подобно Вечному Жиду, беспрестанно перемещает место. Сегодня она бродит в тумане и говорит про идеалы, завтра берется за артистичность, художественность, искусство для искусства, через три года она ударится опять в идеализм или что-нибудь другое. Что сделалось с эстетическими теориями лэкистов, или последователей Эдисона, или германцев, углубившихся в созерцание средних веков; куда девались критические истины, провозглашаемые нашими журналами лет за десять тому назад; кто помнит теперь имена художников, за какой-нибудь рассказец превозносимых до небес и далеко оставлявших за собой *эфемерную* славу Бальзака, Бернара, Дюма (тогдашние критики знали только французских романистов)? У кого в памяти остались пышные дифирамбы в честь Жоржа Занда или мадам Дюдван, женщины, погубившей великую часть своей славы в последнее время? Нет, нам приятно думать, что труды господина Писемского долговечнее критических теорий, на которые сами теоретики едва ли смотрят без иронической улыбки, теорий, которых время уже сочтено и которые быстро заменятся новыми, столь же непрочными теориями!

Господина Писемского так много хвалили все журналы, что мы опасаемся произвести некоторый разлад в общем концерте, указав на некоторые слабые стороны его произведений. Автор «Комика», может быть, вследствие своих литературных теорий, слишком любит подступаться к изображению тривиальных и ничтожных подробностей, подробностей, за которые могут только браться писатели с громадным дарованием, убежденные в том, что их талант облагородит все, до чего ни коснется, и браться только изредка, мимоходом. Я уже имел случай заметить в романе «Хозаров» одно совершенно безвкусное и бесполезное место, где описывается туалет старухи, кажется, свахи, ее умыванье и причесывание волос; в романе «Богатый жених» есть тоже сцена скучная и неприятная, именно драка в трактире по поводу паленого поросенка, — но сцена «Комика», в которой Рымов за ужином напивается пьян и начинает браниться со всеми гостями, еще неприятнее, еще бесплоднее по результату². Это все равно что Остаповский сюжет, разработанный живописцем без средств Фан-Остада или, что еще вернее, сюжет фламандской картины, рассказанный на печатной странице с опечатками. Там, где господин Писемский теряет свою веселость и силится создать что-нибудь или очень потрясающее, или очень картинное, силы его оставляют и я не узнаю в нем увлекательного рассказчика.

² В отзыве моем о «Хозарове» я сравнивал сцену туалета с начальной сценою Бальзакова «Горио», где описывается туалет мадам Воке. То, что было «почти» по силам Бальзаку, вышло у господина Писемского вяло и ничтожно. Здесь не мешает заметить, что в письме, в котором говорил я о Хозарове, вкралось много ошибок, отчасти по собственной моей вине, отчасти по недосмотру корректоров. Так, слабейшая страница романа выписана без указания ее недостатков. Долгом считаю прибавить, однако, что такая неисправность не может быть поставлена в вину редактора «Современника» — все мои письма, исключая последнего, присланного слишком поздно, — печатались и просматривались с тщательностью (примеч. Дружинина).

Впервые: БдЧ. 1852. № 1. Смесь. С. 98–126. Публикуемый фрагмент — с. 103, 117–122. Без подписи. Цензурное разрешение — 07.01.1852. Цензор Ю. Е. Шидловский.

Переизд.: *Дружинин*. Т. 6.

Фрагмент фельетона является первым письмом Дружинина, напечатанным после его перехода из «Современника» в «Библиотеку для чтения». Литературная позиция критика, однако, в целом не претерпела изменений. Дружинин по-прежнему подчеркнуто дистанцируется, в отличие от Панаева, от открытой полемики с другими журналами и провозглашает преходящий характер любых эстетических теорий, сковывающих подлинно художественный замысел автора. К ним Дружинин относит ложный, по его мнению, взгляд Б. Н. Алмазова, выраженный в фельетонах Эраста Благоднава и запрещающий сочинять пародии на стихи классических поэтов Пушкина и Лермонтова. С точки зрения Дружинина, такое пародирование не только не наносит никакого вреда немеркнувшей славе поэтов, но, напротив, способствует укреплению их статуса в национальном каноне. В этом позиция Дружинина полностью сходна со взглядами Панаева и Некрасова, тексты которых являются не пародийными, а пародическими (по терминологии Ю. Н. Тынянова), то есть не дискредитирующими оригинал. Напротив, пародии Алмазова на Некрасова, прочитанные вне связей со своими целями, воспринимаются Дружининым как удачный пример литературной деятельности.

Другим писателем, скрывающим свой талант узкими теориями «молодой редакции», объявляется в фельетоне Дружинина Писемский, рассказ которого «Комик» оказался едва ли не манифестом теории драмы критиков «молодой редакции», отчего и принял догматический характер. Этот ход мысли Дружинина, возможно, стал образцом для более поздней рецензии Н. Г. Чернышевского на комедию «Бедность не порок» (С. 1854. № 5), в которой критик писал о пагубном влиянии ложной идеологии Григорьева и Эдельсона на Островского. Характерно, что в конце 1850-х гг. Писемский связал свою писательскую карьеру именно с журналом Дружинина «Библиотека для чтения», отстаивавшим теорию ничем не ангажированного творчества.

С. 210. ...нового и неизвестного мне автора, Эраста Благодравова... — Вероятно, зная о том, кто скрывается под маской Благодравова, Дружинин умышленно заявляет о незнании автора. Имеется в виду фельетон Б. Н. Алмазова «Стихотворения Эраста Благодравова» (М. 1851. № 19–20), в котором Новый Поэт и Некрасов критиковались за несерьезные и неуместные, с его точки зрения, пародии на Пушкина и Лермонтова (подробнее см.: *Зубков*. С. 39–48).

С. 210. «Отечественные записки» в своем одиннадцатом номере посвящают ему несколько коротеньких глав... — Обозреватель «Отечественных записок» сравнивал «Стихотворения Эраста Благодравова» с «Записками сумасшедшего» Гоголя и призывал публику спокойно воспринимать излишества его странной души: «Что ей за дело, что г. Благодравов, негодуя на свою фамилию, “постоянно хмелен, а во хмелю постоянно-непокоен” (стр. 279)? Какая нужда ей, что он “на другой день после хмеля страдает тошнотой, болью в желудке и трясеньем в руках и ногах” (стр. 280), что он с товарищами “предпочитает благородным напиткам полынную” (стр. 289), что у него “нет пятиалтынного для расплаты с извозчиком” (стр. 275), что он “не любил сначала кофей, а потом полюбил его” (стр. 286), что “самые горькие для него минуты те, когда ему не на что послать за водкою” (288)? Какой, наконец, интерес для публики в том, что он же, г. Благодравов, “дрожит от волнения, увидя в журнале свою статью”?» (ОЗ. 1851. № 11. Отд. VIII. С. 31–32). Все цитаты были взяты из фельетонных признаний Благодравова.

С. 210. ...в роде Ламартиновых «Записок»... — Имеется в виду автобиографическая книга французского поэта Альфонса де Ламартина (de Lamartine, 1790–1869) «Признания» («Confidences», 1849), в которой автор излагал в лирическом ключе свою биографию, поделенную на небольшие главки по 2–3 страницы каждая. Очередной всплеск интереса к Ламартину возник как раз в начале 1850-х гг., когда в «Современнике» в 1849–1850 гг. печатался русский перевод «Признаний». О рецензии Ламартина в России см.: *Сурина Н.* Русский Ламартин // *Русская поэзия XIX века: Сб. статей*. Л., 1929. С. 299–335.

С. 210. Вот куда хватили журнальная городская почта! — Под «городской почтой» подразумевается обсуждение сплетен и слухов в обозрениях журналистики.

С. 210. ...эти шесть месяцев были плодотворны в отношении полемических любезностей... — Дружинин подводит своеобразный итог полемической войны между «Современником» и «Москвитянином» во второй половине 1851 г.

С. 210. ...статью господина Благодравова в ноябрьских номерах «Москвитянина». — Цензурные разрешения № 19–20 датированы октябрём. Вероятно, неточность Дружинина.

С. 211. Последняя из пародий, помещенных в «Москвитянина» ~ не очень забавна... — Видимо, Дружинина не устраивал содержащийся в стихотворении Алмазова намек на личность Некрасова (см. наст. изд., с. 635–636).

С. 211. ...особенно «Кофе» и... «Если кроткий как вол, в трезвом виде»... — Пародия Алмазова на «Бурю» (1850) и «Если, мучимый страстью мятежной...» (1847) Некрасова (см. наст. изд., с. 166).

С. 211. ...даже после прочтения басни о кондукторе и тарантуле. — Имеется в виду пародийная басня Козьмы Пруткова «Кондуктор и тарантул» (С. 1851. № 11), которая полностью и с большой похвалой процитирована Дружининым в начале публикуемого фельетона.

С. 211. Кто из нас, по слуху или на деле, не знает этих вечно недовольных, вечно насупившихся жрецов изищного ~ Не лучше ли быть менее широким в своих теориях... — Возможно, очередной намек на кружок «молодой редакции» «Москвитянина», известный своим ригоризмом и жестким отношением к недостаточно «художественным» произведениям. С конца 1840-х гг. Дружинин выступал против догматизма понятия «художественность». Ср., например, иронический отзыв о вреде жесткой терминологии в пятом письме Инородного Подписчика 1849 года: *Дружинин*. Т. 6. С. 108–109.

С. 211. ...Писемского и про его повесть «Комик». — См. примеч. к фельетону Панаева на с. 644 наст. изд.

С. 211. Господин Писемский пожелал во что бы то ни стало изложить перед читателями несколько воззрений на драматическое искусство... — В рассказе «Комик» герои Аполлос Михайлыч Дилетаев, Никон Семеныч Рагузов и талантливый актер Рымов дискутируют о том, какой жанр — трагедия или комедия — обладает наивысшей ценностью и влиянием на публику. Взгляды самого автора

(превосходство комедии в современной словесности) угадываются в словах Рымова — единственного из персонажей, кто способен оценить гениальность комедии Гоголя «Женитьба», которую на домашнем театре ставят герои рассказа под предводительством Дилетаева. Дружинин отмечает здесь программный характер «Комика», в котором отразились разделяемые Писемским взгляды «молодой редакции» на высокое назначение постгоголевской комедии в России и общественную роль театра как воспитателя вкуса и нравственности купечества и мещанства. Разбор «Комика» в контексте идей «Москвитянина» см.: Зубков. С. 56–58; Тимашиова О. В. Роман И. В. Гете «Вильгельм Мейстер» как сюжетная, литературно-эстетическая и философская основа рассказа А. Ф. Писемского «Комик» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (27). С. 77–85.

С. 211. ...актер Рымов говорит ни дать ни взять как критик... — Это суждение Дружинина следует признать явным преувеличением. Комик Рымов, склонный к горячительным напиткам, в рассказе немногословен. Наиболее развернутые его реплики (произнесенные в пылу опьянения на ужине после спектакля), в самом деле, касаются сущности исполнительского искусства и драматической литературы, но по форме они не имеют ничего общего со стилистикой и манерой журнальной критики, принадлежа целиком к просторечному регистру. Ср.: «Я ничего-с, только насчет райка... он иногда очень правильно судит»; «Актеры!.. Театр... Комедии пишут, драмы сочиняют, а ни уха ни рыла никто не разумеют. Тут вон есть одна — Богом меченная, вон она! — произнес он, указывая пальцем на Фани» (Писемский. Т. 2. С. 170, 209).

С. 211. ...еврейский сибболет и шибболет, условие *sine qua non*... — «Колос» или «течение» (ивр.) — библейское выражение, обозначающее характерную речевую особенность, по которой можно установить национальность и, шире, идентичность человека. *Sine qua non* — часть устойчивого выражения *condition sine qua non* (см. наст. изд., с. 823).

С. 212. Сегодня она бродит в тумане и говорит про идеалы ~ искусство для искусства... — Дружинин как будто предсказывает траекторию своего собственного эстетического движения к более артикулированному выражению своей теории артистизма и искусства для искусства в статьях 1855–1856 гг.

С. 212. Что сделалось с эстетическими теориями лэкистов, или последователей Эдисона, или германцев, углубившихся в созерцание средних веков... — Лейкисты — английские поэты и теоретики т. н. «озерной школы» во главе с У. Вордсвортом, С. Кольриджем и Р. Саути. Эдисон — Джозеф Аддисон (Addison, 1672–1719), основоположник британской литературной критики и журналистики, издатель журналов «Tatler» и «Spectator». Германцы — немецкие романтики периода Йены — Новалис, братья Шлегели, К. Брентано, А. фон Арним, строившие свою эстетическую утопию на основе средневековых рыцарских легенд и текстов. На теориях немецких романтиков во многом строилась литературная позиция «молодой редакции» «Москвитянина».

С. 212. ...куда девались критические истины, провозглашаемые нашими журналами лет за десять тому назад... — Дружинин намекает на критическое отношение многих журналистов и критиков начала 1850-х гг. к эстетической концепции Белинского (см. об этом вступительную статью к наст. изд., с. 9–10).

С. 212. ...за собой эфемерную славу Бальзака, Бернара, Дюма... — Дружинин описывает литературную ситуацию середины 1830-х гг., когда многие ведущие французские и русские критики невысоко оценивали талант О. де Бальзака, А. Дюма и Шарля Бернара (Pierre Marie Charles de Bernard Du Grail de la Villette, 1804–1850), предпочитая им беллетристику П. де Кока. Так, например, О. Сент-Бев критиковал первые романы Бальзака, а Белинский — молодую Жорж Санд.

С. 212. ...пышные дифирамбы в честь Жоржа-Занда ~ часть своей славы в последнее время? — Пик популярности Жорж Санд (настоящее имя — А. Дюдеван) в России пришелся на 1840-е гг. (см.: Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века: (Мифы и реальность.) 1830–1860 гг. Томск, 1998). Говоря об упадке славы Санд, Дружинин, вероятно, имеет в виду ее увлечение утопическим социализмом П. Леру — «мистически ребяческие бредни» (Дружинин. Т. 6. С. 487; впервые: С. 1851. № 2).

С. 212. Я уже имел случай заметить в романе «Хозаров» одно совершенно безвкусное и бесполезное место... — Собственное предыдущее письмо, на которое ссылается здесь Дружинин, отсутствует в «Современнике» за 1851 г. Перед нами либо сознательная мистификация, либо намек на какой-то раздор внутри редакции журнала, который привел к изъятию подготовленного к печати текста из набора. Основанием для второго объяснения может служить приводимое тут же, в сноске, пояснение самого Дружинина, где он говорит о множестве ошибок в том «Письме», которые, впрочем, не ставит в вину редактору. Поскольку уход Дружинина из «Современника» произошел именно в это время, нельзя исключать, что речь идет о каком-то неизвестном нам конфликте с Некрасовым на почве редакторских дел.

С. 212. В отзыве моем о «Хозарове» ~ где описывается туалет мадам Воке... — Дружинин отметил влияние романа Бальзака «Отец Горио» на повесть Писемского «Брак по страсти» (см. об этом: Зубков. С. 93–97).

С. 212. ...что остадовский сюжет, разработанный живописцем без средств Фан-Остада... — Дружинин проводит типологическую параллель между картинами нидерландского живописца Адриана ван Остаде (van Ostade, 1610–1685), который изображал бытовые сцены из жизни низших слоев горожан и даже особых социальных групп — курильщиков, игроков, шарлатанов, и объективным бытописанием Писемского. Ср. сопоставление Гончарова с фламандским живописцем в рецензии Дружинина на роман «Обломов» (1859).